

25. Schlee G., Weber K. Inclusion und Exclusion: Die Dynamik von Grenzziehungen im Spannungsfeld von Markt, Staat und Ethnizität // Inclusion und Exclusion / Hrsg. von G.Schlee, K.Weber. Köln: Rüdiger Köppe, 1996. S.9–36.
26. Simon G., Simon N. Verfall und Untergang des sowjetischen Imperiums. München: dtv, 1993.
27. Voronkov V. Do «Russians» Exist as an Ethnic Community? // Post-Soviet Puzzles: Mapping the Political Economy of the Former Soviet Union. Vol.4 – The Emancipation of Society as a Reaction to Systemic Change: Survival, Adaptation to New Rules and Ethnopolitical Conflicts / Ed. by K.Segbers, S.DeSpiegeleire. Baden-Baden: Nomos, 1995. P.81–90.
28. Weber M. Ethnische Gemeinschaftsbeziehungen // Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Band 1. Köln; Berlin: Kiepenheuer & Witsch. S.303–316.

Оксана Карпенко

Быть «национальным»: страх потерять и страх потеряться На примере «татар» Санкт-Петербурга

1. Введение

Массовая миграция в города, начавшаяся в период ускоренной индустриализации, определила социальный состав горожан, большинство которых составляли мигранты из сельских районов СССР. Однако лишь в конце 60-х годов сельские мигранты и проблемы их адаптации к общесоветской интернациональной культуре, центрами распространения которой являются крупные города, попадают в поле зрения этнографов, в начале 70-х формируется новая дисциплина – этносоциология. Низкий интерес к этнокультурному исследованию города многими связывается с тем, что город «с его национальной пестротой и порождаемой ею утратой этнической определенности выглядел менее выигрышным объектом для этнографического изучения» [18, с.4]. Именно «сельское население в силу своей национальной однородности и известной замкнутости образа жизни считалось главным носителем национальных особенностей» [8, с.78].

Анализируя результаты переписей 1959 и 1970 годов, этносоциологи пришли к выводу, что ТАССР «отвечает основным требованиям, предъявляемым к объекту исследования. Она довольно полно отражает социально-экономические условия, характерные для страны, находится примерно на среднем уровне развития сравнительно с другими республиками и регионами СССР, имеет многонациональное население», то есть является «типичным для страны регионом, отражающим в значительной мере социальную структуру и социальные процессы страны в целом» [31, с.9–10]. Предполагалось, что исследование такого «типичного для страны» объекта прояснит ситуацию с национальными отношениями в СССР в целом. В 1967 году города ТАССР (Казань, Альметьевск, Мензелинск) стали объектом внимания социологов из Института этнографии СССР; затем в

1974–1975 гг. группа под руководством О.Шкаратана повторила опрос в тех же регионах [19; 30; 31]. Известны исследования Г. Старовойтовой, Н.Юхневой, М.Коган в Ленинграде [14; 21; 22], Н.Томилова в городах Западной Сибири [25; 26]. Таким образом, можно говорить об относительной исследованности татарского населения городов.

Для нас наибольший интерес представляет работа группы Г. Старовойтовой в Ленинграде. Татарская этнодисперсная группа была выбрана потому, что, по мнению исследователей, это одна из «групп, отличных от основного населения региона по лингвистической и антропологической принадлежности, по этнокультурной специфике, конфессии и т.п.», а «исследование сближения культур и образа жизни когда-то обособленных наций в условиях современного и сверхкрупного города особенно важно» [21, с.198].

По сведениям, полученным Г. Старовойтовой из Архива неправославных церквей, до революции практически все татарское население Петербурга (около 8 тыс. чел.) было верующим и неукоснительно соблюдало мусульманскую семейную и календарную обрядность. Обладая значительной внутренней сплоченностью, основанной на конфессиональной принадлежности, посредством предписания поведенческих норм, община поддерживала и усиливала внутригрупповое единство [22, с.51]. В качестве подтверждения она использует наблюдения А.Бахтиярова, который в своей книге «Брюхо Петербурга» [4] представляет дореволюционную татарскую общину как достаточно изолированное сообщество, сопротивлявшееся ассимиляции другими группами и интеграции с ними.

В образе дореволюционной татарской общины, созданном литераторами (Бахтияров, Аминов [2]) и дополненным этнографами и этносоциологами [14; 22; 33 и др.], можно выделить несколько характеристик, по мнению авторов, определяющих специфику этой группы: религиозность (ислам); территориальная этническая сегрегация, относительно компактное расселение татар в разных районах города; развитая общинная инфраструктура (школы, газеты, религиозные и светские общества и т.д.); традиционные занятия (дворники, официанты, военные и др.).

По данным этносоциологов, в последовавшие за революцией десятилетия произошло много изменений в качественном и количественном составе населения города. Наряду с ростом численности татар в городе, ими зафиксировано «быстрое выравнивание социально-экономических параметров горожан разного происхождения»

и «сужение зоны этнической специфики, ее перемещение в этнопсихологическую и психолингвистическую сферы» [22, с.150]. Из быта уходят предметы, по которым этносоциологи могли фиксировать национальную принадлежность, заметна языковая ассимиляция. Как демонстрируют исследования 80-х годов, жилищная сегрегация, замкнутый образ жизни, религиозные особенности, определявшие образ жизни татар, ушли в прошлое, а вместе с ними уходит и этническая специфика. Можно говорить о том, что зафиксировано практически полное разрушение инфраструктуры татарской общины. Для моего исследования имеет значение не столько факт разрушения инфраструктуры татарской общины, сколько то, как признание этого факта влияет на формирование стратегий, связанных с *возрождением* татарской жизни в городе.

2. Немного о понятиях и методе

Подход к исследованию базируется на утверждении, что этнические группы – это социально сконструированные феномены, обусловленные окружающей – в широком смысле – средой. Этническая группа, рассмотренная как с точки зрения ее культуры, так и с точки зрения составляющих ее индивидов, не имеет какого-либо априорного содержания и не является устойчивой [36]. В данном исследовании этничность рассматривается как совокупность практических навыков символического употребления знаков этнической принадлежности (этноним, культурные практики и т.д.) для того, чтобы отличить себя как представителя одной группы от представителей других групп.

Знаки, используемые для обозначения границ «своей» общности, могут быть различными, зависят от исторического и социального контекста и служат для ориентации в пространстве взаимодействий, определяя, что допускается в отношении различных общностей. Я исхожу из того, что наполнение категории «свои» может существенно отличаться в различных ситуациях, меня же интересуют те из них, в которых становится актуальным объяснять различия между «своими» и «другими» в этнических категориях¹.

¹ Этнические категории – это понятия, которые используются для обозначения различий между людьми. По поводу того, какие категории называть «этническими», среди российских социологов существует некоторая конвенция. Я предполагаю, что в число этих категорий входят все слова, которые обозначают «национальность» («русские», «татары», «армяне» и т.д.), локальную идентичность, связанную с территорией

Этническая идентичность не сохраняется естественным путем, она должна постоянно поддерживаться. Я придерживаюсь точки зрения Б.Андерсона [35], который обозначал нацию как «воображаемое сообщество», члены которого не в состоянии поддерживать отношения на личном уровне, однако имеют представление о таком сообществе, его образ. Создание образа нации – плод работы институтов, формирующих стереотипы отношения к тем или иным характеристикам (внешности, поведению, восприятию действительности и т.д.) или к каким-либо предметам как национальным (этническим), а также разрабатывающих стратегии использования этих символических различий в целях перераспределения ограниченных ресурсов. Встает вопрос о том, кто социально организует этнические различия, в рамках каких институтов происходит усвоение правил пользования интересующими нас этническими категориями.

Результаты исследования позволяют мне выделить несколько агентов, ответственных за поддержание и изменение представлений о границе «своих» и «чужих», осуществляющих символическое обозначение границ этнических групп: 1) государство, разрабатывающее политику в отношении национальной идентичности своих граждан, и институты, через которые эта политика проводится (перепись, паспортная система, система образования и воспитания и т.д.);² 2) структуры гражданского общества (национальные движе-

проживания («ленинградские», «пензенские», «горьковские татары» и др.) или профессиональной принадлежностью («кряшени», «мусульмане» и др.). Используя работы советских этнографов и этносоциологов, занимавшихся исследованиями этнических групп в городе, я могла бы реконструировать содержание и историю становления этих категорий. Однако цель своей работы я вижу в том, чтобы прояснить стратегии использования этих и других не известных мне этнических категорий моими информантами. Для обозначения совокупности знаков этничности («татарскости», «русскости» и т.п.), используемых моими информантами, я применяю понятие «этнический код».

² «Интернационализм», «дружба народов», «право наций на самоопределение» – значимые идеологические мифы советского государства, заложенные в самое основание подвластных государству институтов социализации. Можно предположить, что часть советских людей избежала влияния этой доктрины. Но специфика крупного города состоит в том, что система коммуникаций практически не давала шансов остаться вне этого дискурсивного пространства. Специфическая форма этнофилии, характерная для идеологии социалистического интернационализма, привела к тому, что национальная идентичность стала рассматриваться как важнейшая составляющая публичной идентичности советского человека. Это связано в первую очередь с тем, что оформление большинства документов требовало использования национальных категорий, а зафиксированная в документе национальность в различные периоды могла стать основанием для положительной или отрицательной дискриминации в публичной сфере.

ния, организации и т.д.), которые активно формируют собственное представление о «своих», могущее в той или иной мере отличаться от государственной версии, конкурировать с ней; 3) семья, которой принадлежит особая роль, – институт, в рамках которого представление об этнической принадлежности тесно связано с бытовыми ситуациями, семейными традициями и семейными преданиями (о великих предках, об опыте дискриминации и др.).

Существуют различные средства для оценки результативности деятельности этих агентов. Например, статистика показывает, что в 1989 году 44 тысячи жителей Ленинграда при опросе называли себя татарами [16]³. Это говорит о том, что 1) в статистике разработана система категорий, обозначающих национальную принадлежность; 2) люди способны использовать этнические категории для самоописания; 3) разработаны методики подсчета таких людей⁴. Проблема состоит в том, что совершенно неясно, что такое «татарин», если мы станем рассматривать эту категорию не как статистическое понятие, а как категорию, которая используется для обозначения конкретных ситуаций взаимодействия и определяет шансы сторон, становится основанием для социального действия. В цели статистики не входит задача раскрыть, что стоит за этими «тысячами», люди предстают как учетные единицы, способные говорить о себе при помощи лишь ограниченного набора слов. В социологических опросах, призванных прояснить социальное значение этнических категорий, также используются готовые понятия, которые не подвергаются анализу ни в контексте истории категоризации этнических феноменов, ни в контексте употребления этих категорий самими информантами. Позитивистская версия социальных наук требует установления простых признаков, которые позволяли бы вычленять из социальной реальности ограниченное число характерных черт и свойств, изменение которых во времени и надлежит проследить. Однако такой подход упускает из вида все, что относится к поступкам людей, к их социальному опыту, к формированию идентичности.

Я ставлю в центр анализа вопрос о значениях этих слов и стратегиях их использования. Становится ли принадлежность к той или иной категории основанием солидарности, доверия, дискриминации

³ По оценкам активистов татарской общины, в 1996 году в городе проживало 50 тысяч татар.

⁴ В позитивистской версии социологии эта способность считать людей, относящихся к определенной социологами категории, признается значимой сама по себе, так как знание соответствующих чисел воспринимается как знание социальной реальности.

и т.д.? Как и когда люди выбирают этническую идентичность из ряда возможных идентичностей? Как часто и каким образом этническая идентичность используется ими в повседневной жизни? Какого рода различия фиксируются в них информантами, для описания какого рода ситуаций становится актуальным их употребление? Стремление ответить на эти и многие другие вопросы определило и выбор методов.

Желание прояснить место этнических ориентаций в общей схеме мировосприятия, а также представление о том, что не следует навязывать информанту традиционные для советской социологии схемы интерпретации, диктовало использование проблемно-ориентированного биографического интервью, в котором акцент делался на обсуждаемых с информантом только тогда, когда он сам обозначит ту или иную ситуацию как требующую использования этнических категорий. Тактика интервьюера состояла в том, чтобы спровоцировать детальный рассказ в конкретных рамках, выясняя, к рассказу о каких событиях, вещах, связях прилагается данная интерпретационная матрица⁵. Для меня конструировать значение «татарскости» — значит интерпретировать данные наблюдения и интервью с информантами, в той или иной мере социализированными в этнических нормах крупного советского города.

Понятие «карьера этничности» призвано зафиксировать трансформацию этнической идентичности. Конечно, биографическое интервью дает представление о том, каким информант видит свое прошлое сейчас. Нет особого смысла оценивать его свидетельства о прошлом опыте этничности по критерию «достоверности». При проверке может оказаться, что он говорит о том, чего не совершал и умалчивает о том, что делал регулярно. Однако я не ставлю перед собой цели «поймать» информанта, указать на неточности в его рассказе. Биография не может быть интерпретирована как достоверный рассказ о прошлой реальности. Реально то, как и что рассказывает информант сейчас, какие смыслы он приписывает словам и какое значение обретают для него события. Итак, «карьера этничности» — это траектория движения информанта к сегодняшней этнической

⁵ Для E. Goffman процесс восприятия — это поиск человеком мира смыслов, контекста значений, или «каркаса понимания». Понять что-либо — значит охватить исходящее определенным видом рамки, через которую осуществляется не только коммуникация с «другим», но и связь с самим собой, со своим прошлым опытом [39].

идентичности, это то, что и как он рассказывает об изменениях в его представлениях о необходимости использовать этнические категории для описания различных ситуаций.

В основание данной работы положены материалы, полученные в ходе полевого исследования, проведенного в рамках реализации проекта «Этнические общины в крупном городе: Санкт-Петербург и Берлин» (1995–1996 гг.). В ходе исследования проводилось включенное наблюдение в татарских организациях; анализировалась национальная пресса; было проведено 20 биографических интервью с активистами и рядовыми членами татарского движения в городе, а также — людьми, не входящими ни в какие формальные структуры, но называющими себя «татары».

В нашем исследовании был выдвинут единственный критерий отбора информантов — применение информантом этнических категорий (татарин, русский и т.д.) для обозначения собственной идентичности. При поиске информантов использовались рекомендации знакомых и друзей. Опыт показывает, что этот подход дает возможность достигнуть относительно высокого уровня доверия между интервьюером и информантом. Потребность в таком доверии определяется в первую очередь тем, что я хотела слышать живую историю жизни, рассказанную естественным для информанта языком. Я ставила перед собой задачу понять, чем отличается восприятие «татарскости» у различных людей, и оценить, с чем эти различия могут быть связаны.

Я придерживаюсь мнения, что исследование ситуативной природы этничности наиболее целесообразно на индивидуальном уровне. Представленный анализ интервью призван прояснить, каким образом и когда этнические категории становятся важными, и продемонстрировать различия в механизмах производства этничности в зависимости от того, что выдвигается в качестве агента, «ответственного» за выработку представлений о возможности использования этнических категорий.

3. Быть национальным: я — татарин

3.1. Национальность как графа в официальных документах. Вопрос о социальном происхождении в советское время в большинстве случаев решался через использование категорий, фиксировавших классовую принадлежность. Однако в различные эпохи формировался этнический образ врага, и тогда было рискованно чис-

литься в формальных документах евреем, крымским татариним, поляком, немцем, финном, чеченцем и т.д. По отношению к принадлежащим к этим категориям людям действовали различного рода официальные и неофициальные ограничения. Замечу, что в моем исследовании практически все информанты утверждали, что никогда не испытывали на себе дискриминации по национальному признаку. Они говорили о дискриминации, которая препятствовала реализации их жизненных стратегий, но связывали эти ограничения с тем, что не были членами КПСС или находились в сложных отношениях с начальством.

Информанты говорили о том, что в советское время не было необходимости и желания определять себя в терминах этничности. *«Была другая система политическая совершенно – она совершенно не терпела национального признака; и здесь, и в школе воспитание было совершенно такое... Мысли даже вообще такой не было никогда»* (муж., 1959). В публичной сфере для них вопрос о национальности и ее тесной связи с происхождением возникал лишь при заполнении документов, в которых национальная принадлежность заполняющего их лица тесно увязана с национальностью его родителей (паспорт). Так как заполнение «пятого пункта» для татар не влекло за собой никаких негативных последствий, то вопрос выбора национальности возникал только у детей из смешанных семей.

В ситуации смешанного происхождения законодательство требовало выбора в пользу национальности одного из родителей (отец или мать), вопрос о произвольном выборе национальности или об апелляции к более глубоким «корням» практически не возникал⁶. Информантка, вынужденная сделать выбор в пользу одного из родителей (мать – татарка, отец – русский), объясняет свое решение следующим образом: *«А как встал вопрос о национальности, я пришла, говорю: папа, я возьму? – он говорит: возьми, только не жалея. Ну, раз ты, говорит, знаешь татарский, имя татарское, ну, может, в жизни и получится, выйдешь за татарина, говорит, сменишь фамилию – пожалуйста, я не против, самое главное, чтобы жила хо-*

⁶ По данным Галины Старовойтовой, татары, состоящие в национально-смешанном браке с русскими, в большинстве случаев (55%) хотят, чтобы их дети при получении ими паспорта избрали русскую национальность; 33,2% – чтобы дети считали себя татарами; 9,4% затруднились в ответе на вопрос; 2,4% хотят выбора детьми какой-либо третьей национальности. При этом исследователями зафиксирована сильная корреляция между выбором национальности для ребенка и языком внутрисемейного общения и/или национальностью ближайших друзей [21, с.236].

рошо. Папу я старалась тоже не обидеть. Я говорю: пап, ну, ты понимаешь, просто нас мало, татар, поэтому давай напишу в паспорте, что я все-таки татарка. Я поняла, что я Азия, а быть Азией и русской – это смешно. Скажут: ну что же ты прячешься?» (жен., 1973).

Разъясняя причины выбора детьми той или иной национальности при записи в паспорте, родители говорят о том, что при таком («нерусском») имени, фамилии или внешности выбор не мог быть другим. С другой стороны, выбор может зависеть от степени заинтересованности детей в поддержании тех или иных национальных традиций: *«Они обе у меня татарками записаны. Одна сказала: мамочка, ты не обижайся, но, вот, я запишусь татаркой. Я говорю: конечно, ради бога. А потом я говорю: Оля, ты – Меримова, папа Шамиль, ну ты же не будешь... И мои дети не скрывают этого. Даже, вот, у нее мусульманство появилось после 18 лет. Ей вообще все это интересно, да и внешне она больше похожа на восточного человека, чем на русскую»* (муж., 1952).

Ни один из моих информантов из моноэтнических семей не говорил о попытках изменить запись в паспорте (исключение составляют активисты болгарского движения, которые настаивают на замене записи «татарин» на «булгар»). Это, в частности, связано и с тем, что в этом случае детям давали «национальные» имена, которые могли быть легко идентифицированы окружением как «нерусские».

3.2. Национальное имя. Если фамилия, отчество ребенка не могут быть произвольно выбраны родителями, то имя они вправе дать любое. В ходе нашего исследования выяснилось, что фамилия и имя становятся важным элементом конструирования этнической биографии и в интерпретациях информантов тесно связываются с вопросом о происхождении.

В отличие от привычных в доминирующей культуре имен, выбор «национального» рассматривается как символ преемственности, лояльности (любви) к собственной семье и/или нации⁷, окружение не может его произвольно изменять: *«Приходят мне тут на днях мальчики: Колю, будьте добры. Я говорю: тут Коля не живет. Они его, вместо Камилля, Колей. Я говорю: тут только Камилль, никаких мне Колей. Они: ой, Камилль, Камилль. Имя уже другое ему, ну обычно, татаров все на русских... Я говорю: нет, только Камилль его зови-*

⁷ Называние «в честь» предка или «героя нации».

